

Андрей Белянин

Андрей Белянин

Моя жена — ведьма

Фэнтези • Любовный роман • Юмор

Роман

Москва, 2012
 SARMA
&
«Издательство АЛФА-КНИГА»

УДК 82-312.9(02)
ББК 84(2Рос=Рус)6-445я5
Б43

Рисунок на переплете
Л. Клепаковой

Иллюстрации
И. Воронина

Белянин А. О.
Б43 Моя жена — ведьма: Роман. — М.: «Издательство
АЛЬФА-КНИГА», 2012. — 444 с.: ил.

ISBN 978-5-9922-1098-9

Когда ваша жена — ведьма, не сомневайтесь, приключения на пороге. А если вы вынуждены разыскивать ее в Темных мирах, которые — уж поверьте! — не ради красного словца названы Темными, то вам точно не придется скучать. К тому же в столь веселой компании, как... черт и ангел.

УДК 82-312.9(02)
ББК 84(2Рос=Рус)6-445я5

ISBN 978-5-9922-1098-9 © Белянин А. О., 1999
© Художественное оформление,
«Издательство АЛЬФА-КНИГА», 2012

Я устал прятаться от тарелок. Они меня не слушаются! Я живой человек, что мне теперь, и из-за стола встать нельзя? Ей легко говорить, она только взглянет — и все блюдечки стоят по стойке «смирно».

— Любимый, если захочешь есть, просто сядь за стол. Я договорилась с посудой, все остальное они сделают сами...

И сделали же! Стоило опуститься на табуретку, как из настенного ящичка со свистом вылетели нож, ложка и вилка и мягко скользнули на скатерть перед побледневшим мной. Потом начищенный половник, фамильярно подмигнув проплывающей тарелке, эффектно плюхнул в нее хорошую порцию борща. Аромат — на всю кухню... Тарелка плавно, чтобы не расплескать, усаживается между ложкой и вилкой. Последний штрих — хлеб и десертная ложечка сметаны. Немного напоминает знаменитую сцену с варениками из Гоголя, не правда ли? Спрашивается, чем я еще не доволен? Да жене, которая способна так выдрессировать кухонную утварь, надо памятник при жизни ставить и ноги целовать. Не спорю... Даже наоборот, я очень ее люблю, но результат... Мне взбредает в голову, что руки перед едой надо мыть. Ничего не попишешь, подзабыл, с кем не бывает... И вот, когда я встаю, дабы направиться в ванную, эта дура тарелка, до краев наполненная дымящимся борщом, вдруг решает, что ее бросили, и срывается следом за мной. То ли она не рассчитала скорости,

то ли я зацепился тапочкой за складку на линолеуме, но последствия... У меня обварена вся поясница и... пардон, то, что ниже. Жена вечером ревела в голос и требовала показать ей именно ту тарелку, чтоб разбить ее сию же минуту. Но злоумышленница, резко поумнев, сразу после моего вопля бросилась мыться и давно замаскировалась на полке с посудой среди своих фарфоровых товаров. Как я ее узнаю? По выражению лица? Вот когда она меня ошпаривала, готов поклясться— лицо у нее было самое вредительское. А теперь... как их отличишь? Прямых улик нет, взятки гладки.

Пока супруга ласковыми пальчиками обильно вымазывала мою заднюю часть прохладной мазью, я жалобно уговаривал ее больше не колдовать в доме. Дело в том, что моя жена — ведьма. Не пугайтесь... Видите, я говорю об этом совершенно буднично и спокойно. Ведьма... Да большинство мужчин периодически бросают такой эпитет раздраженным половинам, когда те, в бигуди, застиранных халатах и с остатками вчерашней косметики на помятых лицах, не дают им достойно отметить День Парижской коммуны. Я же всегда произношу это слово с уважением. Никаких обид, никаких оскорблений, ничего личного, просто ведьма... Не такая уж редкость, должен признать. Русь-матушка издревле славилась своей лояльностью ко всякого рода нечисти. Достаточно вспомнить великолепный сборник «Киевские ведьмы», прозу Жуковского и Брюсова, поэзию Пушкина и Гумилева. Про Гоголя вообще молчу, а кто не восхищался дивным романом Булгакова? Многим ли мужчинам досталась такая самоотверженная женщина, как Маргарита? Кто хотя бы раз не мечтал втайне коснуться губами ее колена и услышать: «Королева в восхищении...»

Мне повезло. Я так считаю. Мнение других по этому поводу мне безразлично. Если же какой-либо индивидум начнет особенно сильно настаивать, я забуду о своей врожденной интеллигентности и ударю его по

лицу. Он должен быть мне очень благодарен, ибо если за это возьмется моя жена... Один тип, торгаш из соседнего винно-водочного киоска, ухитрился схлопотать от нее пощечину — говорят, его до сих пор лечат. Всю щеку расцветил невероятно большой лишай, и врачи разводят руками, не зная, что с ним делать...

История нашей любви проста и романтична. Мы познакомились в библиотеке. Меня пригласили туда на выступление со стихами. Видите ли, я — поэт. В своем городе человек признанный, известный, член Союза писателей. Благодаря этому меня часто приглашают на выступления в разные организации, иногда даже платят, но дело не в этом... Она работала в этой библиотеке, встретила меня у входа, проводила в зал, дальше — как обычно... Вернее, все обычное на этом закончилось. Я посмотрел в ее глаза, и мир изменился. Банально? Увы... раньше я и сам пребывал в блаженной уверенности, что подобное происходит лишь в книжках да в кино. Ее глаза карие, необычайно теплые и такие глубокие, что я провалился в них с первого же взгляда. Сам толком не понимая происходящего, я читал все стихи о любви только ей. Я отвечал на вопросы из зала так блестяще остроумно, что она все время хохотала, стоя у стены. Я с трудом отводил от нее взгляд, абсолютно не желая давать себе отчет в полной бестактности столь навязчивого разглядывания посторонней женщины... Прошло три долгих мучительных года, и вот теперь мы вместе. О том, что она — ведьма, Наташа призналась мне в первый же день нашей супружеской жизни.

— И не делай такое снисходительное лицо, — строго заявила она. — Терпеть не могу, когда ты разговариваешь со мной как с сумасшедшей или как с маленькой девочкой, рассказывающей папе страшный сон. Да, я — ведьма! Прошу принять это к сведению и относиться серьезно.

— Любимая, ты надеешься, что я одумаюсь и быстренько подам на развод?

— Поздно, дорогой! Ни о каком разводе даже не мечтай. Теперь я сама ни за что тебя не отпущу. Просто ты имеешь право знать обо мне всю правду, а правда такая: я — ведьма.

— Очень интересно, — снова улыбнулся я, усаживая ее к себе на колени. Это была наша излюбленная поза для душевных разговоров. Я обнял ее за талию, а она положила руки мне на плечи. — Теперь рассказывай: когда, как и, вообще, с чего ты заметила в себе первые признаки нечистого духа?

— Я тебя укушу!

— Только не за ухо... ай! Не надо... Я же люблю тебя!

— Я тоже тебя люблю. Не говори глупостей. Все далеко не так весело... Ты что-нибудь слышал о передаче дара?

— Что-то очень смутное. Вроде как каждый колдун перед смертью должен передать свой дар кому-нибудь, да?

— Почти, — серьезно кивнула Наташа. — Как все-таки хорошо, что ты у меня такой начитанный, сам все знаешь. Моя бабушка была верховинской украинкой с Закарпатья. В деревне все знали, что она ведьма, и, когда мы с мамой приезжали к ней на лето, соседские дети дразнили меня ведьмачкой.

— Это нехорошо... Дети должны быть вежливыми и дружелюбными, а дразниться... ой! Ухо, ухо, ухо...

— Я тебя еще и не так покусаяю! — возмущенно фыркнула она, тут же подарив мне утешающий поцелуй. — Ну, пожалуйста, отнесись к моим словам серьезно... Так вот, однажды зимой бабушка заболела. Мы с папой остались в городе, а мама уехала к ней, но не успела: бабушка умерла. Соседи говорили, что это была страшная смерть, она металась, кричала, словно боролась с кем-то, кто душил ее... Уже не помню, какие там были сложности с похоронами, кажется, священник запре-

щал хоронить ее на кладбище, но в конце концов все уладилось. Мама продала дом со всем содержимым в собственность совхоза и очень сердилась, когда я расспрашивала о бабушке.

— Странные отношения для матери и дочери.

— Они всегда были напряженными. Бабушка не приняла папу и считала мамин выбор ошибкой. Она даже не писала нам. Меня любила безумно, считая, что я очень похожа на маму, и всегда дарила подарки. Вот так...

— И от бабушкиной любви тебе передалось ведьмовство?

— Дело в том, что, пока мама была на похоронах, на наш адрес пришла посылка. Папа сам получал ее на почте. Видимо, бабушка отправила ее сразу же, как заболела, или чуть раньше. Там лежали банки с вареньем, какие-то травы, сушеные грибы на ниточке, вроде бы все... По крайней мере, так папа успокаивал разволнованную маму, когда она вернулась. Он не знал, что там был подарок для меня. Между банками лежала коробочка, я ее схватила и спрятала в карман. Потом закрылась в детской и там посмотрела. Это была тяжелая серебряная цепь с необычным крестом из черного металла. Я сразу поняла, какая старая и красивая вещь у меня в руках. Я ее надела и...

— И?

— Не целуйся, ты меня отвлекаешь... Не целуй, тебе говорят!

— Извини, — покаялся я. — Что же было дальше?

— Я потеряла сознание. Папа говорил, что он очень испугался, услышав шум в моей комнате. Но, когда он привел меня в чувство, никакой цепочки на шее не было. А цепь я нашла уже утром следующего дня в том же кармашке платья.

— Значит, бабушка вложила в свой подарок всю ведьмовскую силу и таким образом передала ее тебе?

— Да. Когда мне исполнилось восемнадцать, я ощутила этот дар.

— Как именно?

— Я могу взглядом двигать предметы.

— Рядовой телекинез, — хмыкнул я.

— Могу летать.

— Обычная левитация.

— Могу колдовать.

— То есть уверять человека в том, что он видит то, чего нет? Подснежники посреди зимы, кролик в шляпе, белье из Франции и червонцы с потолка... Банальный гипноз. Девочка моя, ты находишься во власти глубоких заблуждений. Мой долг мужа и гражданина взять тебя за руку и отвести к хорошему психиатру, а уж там...

Вместо ответа она взглядом подняла со стола чашку остывшего чая и заставила ее медленно вылить содержимое мне за шиворот. С этого момента я ей поверил...

* * *

Потом она показала мне эту цепь, действительно, старое серебро с чернью, царапинками, тяжелое и холодное. Крест аккуратно вписывался в правильный квадрат, нижняя планка несколько изогнута вправо, верхняя — влево, но все равно это, несомненно, был крест. Металл мне неизвестный, черный, как чугун, но на ладони легче алюминия. Я попытался примерить, но жена отобрала, покрутив пальцем у виска.

— Может взорваться? — кисло пошутил я.

— Не умничай... Дара в нем уже нет, но рисковать не хочу.

— Боишься, что я стану колдуном?

— Милый мой, ну о чем ты говоришь?! — Она всплеснула руками и прижалась ко мне. — Ты хоть понимаешь, каково это — быть колдуном?

— Крибле, крабле, бумс! После чего появляются маленькие зеленые человечки и выполняют любое мое желание...

— Маленькие зеленые человечки появляются после второй бутылки без закуски. Послушай, ты у меня умница, красавец-мужчина, вдобавок замечательный поэт, я тебя очень-очень люблю! Не лезь, пожалуйста, куда не просят...

Она меня уговорила. Ей вообще легко это удастся, я просто теряю голову от ее поцелуев. Каждый раз напоминаю себе, кто в доме хозяин, каждый раз даю слово обязательно настоять на своем и... Ей достаточно подойти и посмотреть мне в глаза. Только что веревки не вьет. Почему я так свято уверен, что она меня действительно любит?

И вот однажды в зимнюю ночь Наташа исчезла. Это произошло примерно через месяц нашей совместной жизни. Началось с того, что я проснулся от непонятной смутной тревоги — жены рядом не было. Подушка еще хранила аромат ее волос, но простыня с той стороны кровати уже была холодной. Я встал, нашарив в темноте шлепанцы, пошел в кухню, включил свет — никого... В туалете и ванной ее тоже не оказалось. Я бросился в прихожую — Наташина дубленка висела на вешалке, а зимние ботинки уютно прикорнули в углу. Ничего не понимаю, чертовщина какая-то...

— Милый, ты где? — Голос моей жены раздался из спальни, заставив меня буквально подпрыгнуть на месте. Ничего не понимаю... Ее же там не было!!!

— Что с тобой? — сонно мурлыкнула она, когда я вновь залез под одеяло. — Ты же холодный весь! Иди ко мне, я тебя согрею...

Мы жадно прижались друг к другу, и, уже засыпая, я никак не мог понять, что за странный запах исходит от ее черных волос...

Второй раз это случилось дня через три. У нас не было четкого распорядка, кто когда встает, кто готовит

завтрак, кто нежится в постели. На этот раз первым встал я, Наташа спала, свернувшись теплым комочком и натянув одеяло до самого носа. За окном шел снег. Я быстренько влез в штаны, прошлепал на кухню поставить чайник, а вернувшись, присел на краешек кровати, любуясь этой женщиной. Мне очень нравилось смотреть на нее спящую... Такую беззащитную, трогательно-ранимую и безумно родную. Вот тут-то я опять почувствовал режущий ноздри запах. Оглядевшись, я невольно склонился над безмятежно посапывающей женой, и... запах усилился! Он шел от ее волос... Резкий, душный запах псины! Нет, чего-то очень похожего, но иного... более дикого, что ли... Наташа так неожиданно распахнула глаза, что я вздрогнул.

— А-а-а... это ты... — Она сладко потянулась, выпростав из-под одеяла смуглые округлые руки. — Опять подглядываешь? Ну как тебе не стыдно, заяц... Сколько раз я тебя просила...

— Ты ничего не чувствуешь? — перебил я.

— Хм-м... нет, а что? — Она недоуменно хлопнула ресницами.

— Здесь пахнет... собачьей шерстью или чем-то очень похожим.

— Да?

— И пахнет от тебя, — пояснил я.

— Сережка, милый, ну что ты несешь? — мягко улыбнулась Наташа, забрасывая руки мне на шею. Одеяло скользнуло по ее груди, и я вновь почувствовал томительно-сладкое головокружение. — Нет, погоди... Я — в душ!

Она выскользнула из моих объятий, как волна, и через некоторое время уже звала меня из кухни. Чайник закипел. Наташа доставала из шкафчика банку кофе. Она только что вылезла из ванны, и ее мокрые волосы источали аромат зеленых яблок. Ненадолго я забыл о странном запахе...

Наташа сама заговорила со мной в следующую же

ночь, когда мы, горячие и усталые, пытались улечься поудобнее, чтобы хоть какую-то часть этой ночи посвятить именно сну.

— Что-нибудь не так?

— Любимая, ты у меня просто чудо... Живой огонь! Я никогда не встречал такой женщины.

— Не выкручивайся. — Она приподнялась на локте, заглядывая мне в глаза. — Ну вот зачем ты так со мной? Я же все вижу...

— Что ты видишь?

— Ты опять принохиваешься к моим волосам.

— Вовсе нет. Просто твоя голова лежит у меня на груди, я вдыхаю и выдыхаю, вот и создается иллюзия...

— Ты уверен, что тебе надо это знать? — перебила Наташа.

Я пожал плечами, мы помолчали.

— Ты прав. Конечно же ты во всем прав. Раз уж мы вместе, то ты имеешь право знать обо мне все. Я... я надеялась, что, может быть, ты не заметишь, но... У меня появились определенные проблемы.

— Тогда рассказывай. Пока мы едины — мы непобедимы! Ай! Ухо... не кусайся!

— Кусалась и буду кусаться! Вредина... Я с ним серьезно разговариваю, а он от меня дурацкими лозунгами кубинской революции отмахивается. Не буду говорить!

— Все, все, все... Смилуйся, государыня рыбка! Ты хотела поделиться со мной нашими проблемами.

— Нашими?

— Естественно, ибо как муж принадлежит своей жене, так и жена принадлежит своему мужу, — важно заключил я.

Наташа встала, подошла к окну и отдернула занавеску. На ультрамариновом небе, среди серебряной россыпи звезд, матово отсвечивал розоватый диск луны.

— Полнолуние...

Я смотрел на залитое холодным блеском тело моей

жены, почти не дыша от немого восхищения. Она была так недосыгаемо прекрасна, как мраморная статуя Венеры в Эрмитаже, как «Источник» у Энгра или «Утро» у Коненкова. Я бы мог назвать еще кучу имен и произведений искусства, но самое дивное творение самой природы стояло сейчас передо мной.

— Ты можешь хоть минуту не думать обо мне как о женщине?!

— Могу... после девяноста восьми.

— Дурак... только попробуй. — Она едва не прыснула со смеху, но вновь попыталась взять серьезную ноту: — Ты видишь, в небе полная луна. В такие ночи Силы Тьмы берут над нами особую власть. Я — ведьма, и я тебя люблю. Поэтому я ухожу далеко, далеко...

— Ничего не понимаю. Какие Силы Тьмы? Какая еще власть? Почему и зачем тебе надо куда-то уходить?

— Затем, что я не всегда могу контролировать свои чувства. Затем, что звериные инстинкты берут верх, а я не могу себе позволить причинить тебе хоть малейший вред. Я ухожу в другие миры... И возвращаюсь почти тут же. То, что является целым днем там, здесь занимает меньше минуты. Умение сворачивать время — серьезный плюс ведьмовства. Раньше мне удавалось проделывать это незаметно, теперь ты стал замечать. Значит, время настало...

— Любимая, иди ко мне... — Я протянул руки в надежде, что она, как всегда, бросится ко мне в объятия, а уж там... в общем, вдвоем мы сумеем развеять ее депрессию.

— Нет... — Голос Наташи неожиданно наполнился пугающей грустью. — Не надо... пожалуйста. Просто посмотри. Ничего не говори, ничего не делай, даже не двигайся — смотри...

Она шагнула в центр комнаты, быстро вскинула руки вверх, запрокинула голову и на мгновение замерла в напряженной позе. Потом — неуловимое глазу

движение, словно бы кувырок или кульбит через спину, и... в нашей спальне на ковре встала волчица! Я потерял дар речи, все тело словно сковало ледяным холодом страха, а дикий зверь втянул ноздрями воздух, пристально посмотрел на меня круглыми желтыми глазами, крутанулся на месте и исчез. Прошла невероятно долгая минута, пока Наташа вновь не оказалась на прежнем месте.

— Теперь ты видел, теперь ты знаешь.

Я молчал. Она недоверчиво сощурилась, толкнула меня в плечо, а я повалился с кровати на пол, как пластмассовый манекен. Жена накинула халатик и бросилась к холодильнику за водкой. Через полчаса эффективных растираний мои мышцы пришли в прежнюю норму, но говорить я смог гораздо раньше. Правда, не помню, о чем конкретно я тогда так кричал. Кажется, ругался... Или молился?..

* * *

К вечеру следующего дня, за ужином, мы вновь вернулись к прежней теме. Первым не выдержал я, признаюсь...

— Любимая, это... ну, не очень больно?

— Нет. — Она сразу поняла, о чем я, и, отставив чашку, взяла мою ладонь в свои. Ее глаза были ласковы и печальны. — Почему ты спрашиваешь?

— Так... обычно в фильмах ужасов человека ломает, корежит, у него меняются формы, трансформируются кости и мышцы, растут зубы, лезет шерсть... Все это сопровождается жуткими криками, слезами, судорогами. Как это происходит у тебя?

— Наверное, это труднообъяснимо... В полнолуние я ощущаю своеобразный зов, словно сама кровь иначе движется в жилах, сердце бьется по-другому, даже зрение меняется. Я вижу тонкие миры, ощущаю вокруг

себя иную сущность вещей, запахов, цвета... Кожа становится такой тонкой, что кажется — ветер проходит сквозь меня. Потом мгновенный всплеск боли, сладкой до умопомрачения... Все человеческое исчезает — и я смотрю на мир глазами волчицы. Я оказываюсь в другом месте, другом измерении, другом мире, если хочешь...

— Эти... миры, они всегда разные?

— Да. Или, вернее, их несколько, иногда попадаешь в один и тот же. Это бывает лес, пустыня, заброшенный город. Я помню какие-то смутные обрывки самых ярких впечатлений, в основном это связано с бегом за кем-то или от кого-то. Охота, погоня, бой. Когда происходит акт возвращения в прежнее тело, я не успеваю запомнить. Но это всегда бывает только здесь, только в этом мире. Там я не могу стать человеком, хотя убеждена — именно те миры насыщены магией до предела. Возможно, нам позволяют в них лишь заглянуть, но не разрешают в них жить.

— Нам? — немного удивившись, переспросил я.

— Нас несколько. Я иногда вспоминаю свой бег в стае. Среди настоящих волков были и волки-оборотни. У них совершенно другой, по-человечески осмысленный взгляд. Мы сразу узнаем друг друга и стараемся держаться подальше. Там есть огромный серебристо-серый волк, его взгляд наполняет меня ужасом. Я не могу объяснить почему... Мне кажется, что я ощущаю исходящее от них зло. Мы разные... Если бы они могли меня догнать, то обязательно бы убили.

— Любимая, ты уверена, что от этого нельзя никак излечиться?

— Глупый... — Наташа опустила голову, нежно потерлась щекой о мою ладонь и грустно закончила: — Ты думаешь, я не пыталась? Я перепробовала все, даже ходила в церковь. Кончилось тем, что один священник убедил меня согласиться на экзорцизм. Он утверждал, что ночью в церкви путем специальных молитв ему на-

верняка удастся изгнать из меня дьявола. Я оказалась такой дурой, что пошла... Когда наступила полночь, я разделась и встала у алтаря, этот тип пошел ко мне, пуская слюну от похоти... Как меня не стошнило?! Потом был мгновенный переход... Вернувшись в свое тело, я обнаружила его тихо скулящим под какой-то скамьей. Он прижимал к груди правую руку, располосованную волчьими клыками...

— И это священник?!

— Он тоже человек, не стоит его осуждать.

— Знаешь... — Я замолчал, не в состоянии четко сформулировать обуревавшие меня чувства. — Я очень хочу тебе помочь. И очень за тебя волнуюсь... не бегай там... где попало.

— Родной мой, милый, единственный... Никогда за меня не переживай, я же ведьма.

— Ты — моя жена, — строго напомнил я. — Не будешь слушаться — применю физическую силу!

— Прямо сейчас? — кокетливо изогнулась она.

— Слушай, а мне как-нибудь нельзя с тобой?

— Нет. Ни-ког-да! Даже думать об этом не смей.

— А что? Ты — ведьма, я переквалифицируюсь в колдуны. Почему тебе можно, а мне нельзя?

— Так, Сергей, слушай меня внимательно. — Ее голос заметно похолодел, а в глазах мелькнули недобрые искорки. — Если ты меня любишь, если ты хочешь, чтобы мы были счастливы, — обещай мне никогда не лезть в Темные миры!

— Обещаю. А что такое Темные...

Тут она встала с табуретки и поцеловала меня. Около часа мы были очень заняты... Смутно помню, о чем она еще просила; я, конечно, все обещал. Да боже мой, разве возможно отказать такой женщине?! Меня слегка напрягало, что я так легко забыл свои клятвы, или, вернее, сами клятвы-то я помнил, а вот по поводу чего... Но, с другой стороны, ведь всегда можно переспросить. Если бы я только знал, как скоро...

Проснувшись утром, я тихо встал с кровати, чтобы не разбудить еще дремлющую жену. Поставив чайник, я прошел в ванную, умылся, почистил зубы, выйдя, вновь завернул на кухню взять все необходимое для романтической подачи кофе в постель. Но, видимо, шум воды или скрип двери разбудил Наташу. Она уже открыла глаза и сладко потягивалась, когда я вошел.

— Доброе утро, милый... — Договорить она не успела: взглянув на ее лицо, я выронил поднос. Чашки вдребезги, сахар рассыпался по полу, стуженное молоко медленно вытекало из уцелевшей розетки... Губы моей жены были перепачканы подсохшей кровью!

Она все поняла. Подхватив халат, опрометью бросилась в ванную, а через пару минут сквозь плеск воды мне послышались сдавленные рыдания. У меня самого был такой шок... Я всерьез задумался о том, каково интеллигентному человеку в действительности связать свою жизнь с настоящей ведьмой. Происходящее начинало слегка действовать на нервы, а если честно, то я впервые почувствовал признаки скользкого, безоглядного страха... Потом мне стало стыдно. Мои покойные родители никогда не простили бы своему мальчику трусости. «Сон разума рождает чудовищ...», по знаменитому офорту Гойи. Разберись, а уж потом бойся, если и вправду есть чего. В действительности ни один мир не в состоянии показать нам таких ужасающих монстров, которых рисует наше же воображение. Не знаю, как я должен был поступить в данной ситуации: устроить допрос с пристрастием, все простить и забыть навеки, просто пожалеть, немедленно развестись, отправить ее в монастырь на покаяние или в научный институт для серьезного изучения... Не знаю. Ясно было одно — ей плохо. Я пошел в ванную. Она сидела на холодном кафельном полу, закрыв руками лицо, и тихо по-девчоночьи редела. Я сел рядом, силой подтянул ее к себе, и на моей груди она разрыдалась еще более бурными слезами. Возможно, я что-то говорил, как-то пы-

тался утешить... Все слова забылись, вряд ли они были важными и многозначительными. Те, у кого на руках хоть раз безутешно плакала любимая женщина, меня поймут. Можно говорить все что угодно, значение имеют не сами слова, а их тональность. Я убаюкивал ее своей неуклюжей лаской, и вскоре Наташа притихла, лишь иногда судорожно-нервно вздыхая. Мне не хотелось ее расспрашивать. Если она так рыдала, то, значит, положение на самом деле куда хуже, чем я мог бы предполагать...

Она отводила взгляд, словно боясь прямо посмотреть мне в глаза. Я легко поставил ее в ванну и заставил принять теплый душ. Сам растер полотенцем, обернул в махровую простыню и на руках унес в кухню. Она все время молчала, но, когда я попытался усадить ее на табурет, чтобы налить чаю, тихо попросила:

— Не отпускай меня, мне страшно...

Тогда я осторожно сел сам и постарался поуютнее устроить ее на моих коленях.

— Расскажи, тебе легче станет.

— Но ты же видел... ты же сам все видел...

— Не надо. Не кричи и не плачь больше. Я не брошу тебя одну. Только, пожалуйста, расскажи мне все...

— Я... я же почти ничего не помню... — сбивчиво заговорила она, шмыгая распухшим от слез носом. — Там был город... мы куда-то бежали стаей. Потом я отстала, мне почудился запах страха из дверей какого-то дома. Я вошла... город давно заброшен, там никто не живет, но здесь оказалась девочка. Маленькая, очень худая и бледная, лет пяти... Она испугалась и закричала. Кажется, на ее крик пришли другие волки, те... оборотни.

— Что было дальше?

— Не знаю... не помню... я не могла... Боже мой, неужели на моих губах была ее кровь?!

Наташа смотрела на меня совершенно безумными глазами, а я не знал, что ей ответить. Наверное, она надеялась на то, что я большой, умный и сильный, что все

само собой как-то исправится, сладится, изменится, если еще крепче прижаться ко мне, то все снова станет хорошо. Я гладил ее по голове, как ребенка, которому приснился страшный сон.

— Сережа! У тебя дрожат руки...

— Я знаю, любимая... не обращай внимания, это нервы.

— Ты... из-за меня?

— Конечно. Я, наверное, никогда не смогу не принимать твои проблемы близко к сердцу. Я волнуюсь за тебя...

— Завтра луна пойдет на убыль.

— Слабое утешение... А что мы будем делать в следующем месяце?

— Не знаю...

— Послушай, — вдруг вспомнил я. — Но ведь астрономически полнолуние длится лишь одну ночь, если быть точным, даже несколько часов. Почему же ты превращаешься в волчицу уже почти неделю?

— Это зов. Пока глаз человека видит полную луну — Силы Тьмы берут свое. Обычно именно семь дней каждого месяца мы приобретаем возможность перекидываться в зверя. Хотя я... о чем я говорю? Какая возможность? Можно подумать, что кто-нибудь спрашивает наше мнение... Чужая воля безжалостно превращает меня в волка и выбрасывает в неведомый мир. Любимый, — Наташа вновь пристально взгляделась мне в глаза, ее черты исказились болью, — я не могла убить ребенка! Ты веришь мне?

— Верю.

Я не лгал ни ей, ни себе. Где-то глубоко в подсознании зрела твердая уверенность, что моя жена ни в чем не виновата. Да, кровь... Да, на ее губах... Да, она — ведьма. Но она моя жена, и я буду последним подонком, отказывая ей в помощи и защите. Что-то не так в том неведомом мире. Разберемся без суеты...

— Не отпускаяй меня туда, ладно? — по-детски наивно просила Наташа.

Мы по-прежнему сидели на кухне. Она уже успокоилась, слезы высохли на щеках, и только припухшие веки выдавали, сколько ей пришлось сегодня плакать. Я заставил ее немного поесть, достав из холодильника остатки рыбного салата и помидоры. Помидоры вообще были ее слабостью. Она рассказывала, что однажды, читая книгу, в течение полутора часов неторопливо съела целое ведро ярко-красных «яблок любви». Думаю, это было правдой, в дни ее плохого настроения я покупал хотя бы один помидор и сразу становился в ее глазах самым замечательным мужем на свете. После кофе она еще раз повторила:

— Я не хочу туда больше, я боюсь...

— Девочка моя, нас никто не сможет разлучить. Мы что-нибудь придумаем. Обязательно должен быть способ как-то избавиться от этого проклятия. Давай поищем по библиотекам, я прочел массу умных книг, что-то подобное там наверняка встречалось, просто надо вспомнить и найти. Этой ночью я крепко-накрепко прижму тебя к себе и ни за что не отпущу!

— А если я превращусь в волчицу?

— Тогда я тебя поцелую, и проклятие злой колдуньи развеется как дым!

Она улыбнулась вместе со мной:

— Ах, Сережка, какой же ты все-таки родной...

— Стараюсь... налить еще чашечку?

— Ага, с лимоном, пожалуйста.

Я встал у нее за спиной, зажег газ и... увидел застрявший в Наташиных волосах клочок серой шерсти. Волчья? Недолго думая я вытащил его и бросил в пламя горячей конфорки! Шерстинки мгновенно сгорели, оставив в воздухе удушливый запах...

— Что ты сделал?

— Там у тебя зацепились несколько волосков волчьей шерсти и...

— Ты их сжег?! — Наташа мгновенно вскочила с табуретки, схватила меня за грудки и совершенно безумным голосом закричала: — Что же ты наделал?! Дурак... Господи, какой же ты дурак! Это... этого нельзя... Ты ведь погубил меня, понимаешь?! Я — ведьма, оборотень, а ты сжег мою шерсть...

— Глупости! Успокойся, пожалуйста. Уверю тебя, ничего страшного не произошло. Сейчас я открою форточку, и весь запах уйдет...

— Зов... опять зов... — Она отвела взгляд, ее слова становились все тише и тише. — Ты опоздал... вернее, мы опоздали... Сережа, Сереженька, Сережка мой... прощай, любимый!

В ту же минуту она исчезла. Просто как будто никогда и не стояла рядом. Я обмер... Все произошедшее было слишком нереальным для того, чтобы в это можно было поверить. Не мог же я в самом деле воспринять всерьез непонятное исчезновение собственной жены только из-за того, что какой-то клочок собачьей или волчьей шерсти сгорел в синем пламени газовой конфорки? Это... глупо, в конце концов! Мне совсем не улыбается отождествлять себя с недалеким Иваном-царевичем, поспешно спалившим лягушачью шкурку в русской печи. Тем более что ему-то, оказывается, лишь три дня подождать надо было. А в моем случае сроки значения не имели.

В какой-то тупой растерянности я опустил на табурет и просидел так не меньше часа. Все мысли неуклонно сводились к одному — ее здесь нет. Дальше — больше... Я начал нервничать. Что, если в ее исчезновении действительно виноват только я? Где она? Куда пропала? Когда теперь вернется и вернется ли вообще? Почему она со мной попрощалась?.. В том же оцепенелом состоянии я прошел к холодильнику, достал начатую бутылку водки и вернулся к столу. За ним уже

сидели двое. Белый и черный. Оба с крылышками, у одного на манер лебединых, у другого — типа нетопыря. На лицо совершенно одинаковые, как близнецы, различались лишь цветом волос и прической. Белый — с роскошными льняными кудрями, художественно спадающими на плечи. Волосы черного гладко зачесаны назад, открывая большие залысины у висков, и перехвачены резинкой на затылке. Оба в длинных одеждах, у одного серебристо-белая парча, у другого — «мокрый шелк» иссиня-черного цвета. Мне было все равно, я уже во все верил. Такое бывает в двух случаях: либо переутомление мозгов, либо пьяные галлюцинации. Скорее первое, так как еще не пил вроде...

— Водочка? Разливаем на троих! — с ходу предложил черный.

— На двоих, — поправил белый. — Лично я пить не буду и ему не советую. Такая мерзость...

— Не слушай его! — подмигнул мне черный. — Давай хряпнем по маленькой. Кровь разогреем, а этот зануда пусть завидует...

— Фармазон! Тебе должно быть стыдно! У человека горе, а ты на что его толкаешь? Ох и любите вы все прибирать к рукам заблудшие души... стоит бедолаге хоть один раз споткнуться — ты уж тут как тут!

— Слушай, Циля... — угрожающе нахмурился тот, что с хвостиком. Только теперь я обратил внимание на маленькие рожки у него на лбу.

— Анцифер! Прошу обращаться ко мне по полному имени, — вежливо, но твердо потребовал его оппонент, и нимб над его головой засиял, как неоновая реклама.

Я вздохнул, развернулся и направился в комнату. Когда в твою квартиру запросто приходят черт с ангелом обсудить собственные проблемы — еще полбеды, но если ты пытаешься с ними общаться — это уже шизофрения. Спасибо, я пока в своем уме...

— Эй, ты куда?

— Вот видишь, до чего человека довел...

— Ну ладно, сам уходишь, бросаешь гостей, хорош хозяин... но бутылку-то зачем уносить?!

— Стыдись!

— А чего? Он же сам ее достал, чего же теперь заживлять?!

— Сергей Александрович! — Тот, что в белом, догнал меня на пороге комнаты и извиняющимся тоном попросил: — Вы уж не сердитесь на нас, вернитесь, пожалуйста. Простите, Христа ради, что без приглашения, но ведь, с другой стороны, и обстоятельства чрезвычайные. Вы вот переживаете очень, а психика у поэтов такая ранимая... Не приведи Господи, руки на себя наложите, как же можно?

— Можно, можно!.. — донеслось с кухни. — Валяй, Серега, не трать времени на болтовню. Семь бед — один ответ! Все равно тебе с твоими грехами рая не видать как своих ушей, редактора стихи зажимают, серьезная поэзия в упадке, народ больше «чернуху» читает — ради чего жить? Иди сюда. Давай выпьем, а потом я тебе покажу, как петлю со скользящим узлом на гардины ладить.

Это меня добило. Я очень незлобивый и добропорядочный человек, но когда собственные галлюцинации перешагивают все границы и начинают над вами же издеваться...

— А не пошли бы вы оба?..

— Что?! — Они так удивились, что у белого захлопали ресницы, а у черного встал дыбом хвостик. Какое-то время мы втроем пристально разглядывали друг друга.

— Циля?

— Анцифер!

— Неважно, отбросим формальности... По-моему, он в нас не верит.

— Ничего удивительного, у человека большое горе...

— Ха! Да он первый мужчина в мире, считающий исчезновение собственной жены горем... Другой бы на его месте уже отплясывал румбу от счастья!

— Какой ты все-таки циник, Фармазон!

— Но ведь она же ведьма?!

— И что с того? Он ее муж, а как сказано в Писании: «Жена да спасется мужем своим...» Сергей Александрович, ну пройдемте же на кухню. Там у вас уютно, я, признаться, и чайничек успел поставить. Фармазон, выключи, слышишь — свистит?!

— Ну на фига ему чай? Циля, давай...

— Мое имя — Анцифер!!! — грозным, но тонким голосом взревел тот, что в белом, а нимб над его головой принял цвет раскаленного железа. — Я требую от тебя, нечистый дух, должного уважения и соблюдения элементарных норм вежливости!

— Ша! Ладно, ладно... не горячись! — примиряюще поднял руки вверх черный. — Что я такого сказал? Ну хорошо, я жутко извиняюсь... Все довольны? Просто мне тоже хочется помочь человеку, он же так и не выпускает из рук эту несчастную бутылку. А ну, поставь ее на стол!

— Ребята, у меня жена пропала, — неожиданно для самого себя сказал я.

Близнецы сразу прекратили пререкания. Белый усадил меня на табуретку, а черный, завладев наконец вожацкой водкой, быстренько раздобыл рюмочки, заботливо разлил на троих и даже ухитрился намазать бутерброды.

— Позвольте представиться — Анцифер. Светлый дух, прообраз ангела-хранителя, некая чистая и возвышенная субстанция вашей собственной души.

Я был слишком потрясен исчезновением Наташи, чтобы хоть для вежливости изобразить некоторое подобие удивления. Поэтому просто кивнул.

— Фармазон! — хлопнул меня по плечу второй. — Все то же самое с точностью до наоборот. Темный я... Все, что есть в вашей душе грязного, низменного и порочного, в моей высокой компетенции. Ну, так чего

ждем, Александрыч? Давайте-ка все по маленькой в честь знакомства.

Я автоматически чокнулся с ними, опрокинул рюмочку и закашлялся. Водка не моя стихия, в холодильнике ее держали исключительно как растирание от простудных заболеваний. Анцифер пил медленно и деликатно, не забыв себя осенить крестным знамением. Фармазон же, наоборот, тяпнул с лихостью и удальством, говорившим о большом опыте. Я посмотрел на одного, на другого... Черт и ангел, добро и зло, свет и тень, водка и белая горячка. С одной-то рюмки? Я обхватил голову руками...

— Может, споем? — предложил черный.

* * *

К обеду мы были уже закадычными друзьями. Правда, водку приканчивал в основном Фармазон, каждый раз зверски ругая нас с ангелом за «сопливую интеллигентность» и регулярно утверждая, что он не алкаш в одиночку пить. Но мы были непреклонны, налили еще по стопочке, а больше — ни-ни... Стоп — самое главное! Они сказали, что могут мне помочь.

— Нет, вернуть твою Наташу мы не можем, но если Циля... пардон! Анцифер готов обеспечить нам свободное продвижение в Темных мирах, то я бы предложил рискнуть.

— Фармазон, как всегда, недоговаривает, — задумчиво ответил белый дух, когда я с надеждой повернулся к нему. — Моя задача сохранить и приумножить все светлое и доброе в твоей душе, а Темные миры отнюдь тому не способствуют. Почему туда попала твоя жена? Потому что она ведьма, оборотень. Суть — нечисть...

— Блин! Циля, человек просит твоей помощи, а во все не интересуется твоим мнением о его супруге!

— Прими мои извинения, Сережа... возможно, я не-

сколько погорячился. Но на самом деле вся проблема в том, что, как дитя света, я могу лишь вытаскивать тебя из критических ситуаций, но никак не толкать в них же.

— Не понял...

— Короче, Серега, — наклонился ко мне черт. — В неприятности тебя втравливаю я. Эй ты, мотылек белобрысый, ты ведь именно это хотел сказать?! Правильно, все так и есть... В общем, в Темные миры я тебя отправлю одной левой, но вот вернуть обратно не смогу... Ибо это был бы уже хороший поступок! Так что твой обратный билет — вот этот занудливый тип в белом. Если ты его уговоришь, тогда по рукам.

— Анцифер, пожалуйста, поедемте со мной.

— Сереженька, ну как же я могу?! Я тебя оберегать должен от таких поступков, а вместо этого пущусь шнырять в одной компании с чертом с целью розыска ведьмы?! Ты представляешь, что поднимется наверху? Да меня уволят в один момент или разжалуют в какого-нибудь музейного хранителя лет на четыреста.

— Простите, — извинился я. — Конечно, это моя проблема и с моей стороны было бы крайне эгоистично настаивать на вашем участии в этой экспедиции. Тем более что последствия действительно могут оказаться для вас печальными и необратимыми. Я пойду с Фармазоном..

— Вот и ладушки! — обрадовался нечистый дух.— Только давай переоденься по-быстрому, а то в майке, спортивных штанах и тапочках у тебя не совсем походный вид.

— Минуточку! — вмешался ангел. — Ты что же, собрался уйти в Темные миры в обнимку с этим рогатым интриганом и надеешься вернуться?! Да он погубит тебя при первом же удобном случае, а потом еще получит награду в аду за успешно проведенную операцию. Нет, дорогой друг, один ты с ним не пойдешь!

— А не фига было выламываться! — взвился Фарма-

зон.— Поздно, батенька, поздно... Он уже все решил. Пойдем, Серега! Ты увидишь, кто тебе друг, а кто... хвост собачий.

— Сергей, не смейте!

— Ха-ха-ха! А шишулю под носулю?..

— Да прекратите же вы оба! — прикрикнул я, хлопая ладонью по столу, спорщики разом прервали диспут, уставясь на меня со здоровым недоумением. — Фармазон, если вы действительно способны отправить меня туда, куда унесло Наташу, сделайте это сию же минуту! Анцифер, если вы не со мной, то, будьте добры, приглядите за квартирой и отвечайте на телефонные звонки. Меня могут спрашивать из издательства. Свою жену я отыщу сам, ничьей помощи в данном случае не требуется. Так что, сделав свое дело, ваш оппонент может вернуться сюда же и вновь продолжить спор, который ведется с начала мироздания. Но меня — увольте! Слушать ваши вечные препирательства, когда ей, быть может, требуется моя помощь... Я пошел одеваться.

Увидев меня через некоторое время, мои гости сначала ахнули, а потом повалились на стол, задыхаясь от дикого хохота... Если бы они не были бессмертными, то наверняка бы умерли от смеха! Я стоял дурак дураком в своем лучшем костюме настоящего турецкого производства, дорогих ботинках, серой рубашке с воротником-стойкой и строгим галстуком на шее. Еще у меня был с собой зонт, на всякий случай пальто и шапку я еще не надел. Анцифер, едва дыша, всхлипывая, почти лежал на столе, из его глаз катились крупные слезы. Фармазон сполз с табуретки на пол, уже не в силах смеяться, а лишь тихо повизгивал, схватившись за живот. Ей-богу, я был готов обидеться... Ангел пришел в себя первым:

— Простите, Христа ради... очень прошу, простите нас, Сереженька, но... Ой, не могу, хи-хи-хи...

— Не, не... Серега, все о'кей! — размазывая по щекам счастливые слезы, выдохнул нечистый. — Вот так и от-

правляйся... Там... тамошние дамы упа... упи... от восторга! Гы-гы-гы...

Я, улыбаясь, пожал плечами. Во-первых, глядя на их веселье, и самому не давиться от смеха было почти невозможно. Во-вторых, мама всегда учила меня, что если впервые идешь в гости в малознакомое общество, то лучше все-таки выглядеть попримечнее.

— Так я был одет в тот день, когда мы познакомились... Что-нибудь не так?

— Уф, все так... Шут с ним, Анцифер, пусть идет. Там, на месте, переоденем во что-нибудь соответствующее эпохе.

— Справедливо. Что-то мы и в самом деле чересчур развеселились. Разве можно было ожидать, что он явится в рыцарских доспехах или герцогском камзоле с буфами, бобровой оторочкой и золотой цепью на шее?

— Факт, тогда бы мы валялись на полу не от смеха, а от удивления. Все в порядке, Лександрыч, не сердчай на нас.

— Да ладно...

— В самом деле, Сергей, не сердитесь, пожалуйста. Я попробую объяснить вспышку нашего несанкционированного веселья, — окончательно успокоился белый ангел. — Все дело в том, что Темные миры являют собой хаотическое нагромождение пространств, эпох и вселенных. Можно перемещаться почти свободно из одного времени в другое. Для определенных времен ваш элегантный костюмчик может показаться... как бы несколько оригинальным, что ли... Хотя, с другой стороны, возможно, ваша дражайшая супруга отыщется на первом же перекрестке, тогда вообще не возникнет никаких проблем.

— Анцифер, вы постоянно сбиваетесь с «ты» на «вы» и наоборот. Мы ведь вроде договаривались, обращайтесь ко мне на «ты», как Фармазон, — предложил я.

— Да, спасибо. Я так и стараюсь, но когда волнуюсь, то всегда немного путаюсь.

— Циля, ты лучше бы не пудрил мозги парню, а дал мне возможность самому рассказать ему про Темные миры.

— Да ради бога, Зоня...

— Кто?! — аж побурел черт.

— Зоня или Фарик, как тебе больше нравится? — невозмутимо ответил ангел. Фармазон попыхтел, собираясь с достойным ответом, потом махнул рукой и переключился на меня:

— Темные миры суть лишь отражение или отображение реально существующего мира, но растянутое во времени и пространстве. Я, естественно, имею в виду тот мир, где ты в настоящий момент проживаешь. Он один, для тебя. Для нас — один из многих. Свет, ложась на предмет, заставляет его отбрасывать тень. Присутствие истинного Бога в вашем мире породило тысячи лжебогов в так называемых тенях. Мы именуем их Темными мирами. Их множество, отличаются от вашего лишь чуть измененной трактовкой знаменательных событий. Например, в одном шотландцы победили Карла и завоевали всю Англию. В другом не прошла Великая французская революция. В третьем Ленин провалился под лед и утонул при попытке перехода Финского залива. В четвертом Вторую мировую выиграл Китай. В пятом Америка подорвалась на своих же ядерных ракетах, ну и так далее.

— Общая суть мне понятна, — кивнул я. — Но где конкретно вы посоветуете мне искать Наташу?

— Вот это самый сложный вопрос. Она ведьма, значит, вполне возможно, что ее выбросит в те миры, где магия победила науку. Без колдовства оборотням не выжить. Я бы предложил черное средневековье, времена первых крестовых походов, языческую Русь, засыле инквизиции и даже древние храмы ацтеков.

— Еще вуду в Африке, — вставил Анцифер.

— Да, и вуду, конечно... Ее могло выбросить в любую из этих «теней». При правильной организации по-

иска наши шансы на успех где-то три к ста сорока. И то только в том случае, если этот чистоплюй будет вытаскивать нас за уши из слишком криминогенных зон. Хотя я был бы готов на время забыть свою злопакоственную натуру и дать добрый совет. Серега! Да мало ли баб на свете?! Одной больше, одной меньше?.. Хочешь, я сам тебя с тако-ой девочкой познакомлю...

Я сжал кулаки, но Анцифер остановил меня:

— Сережа, будь по-вашему, я иду.

* * *

— Значит, так... — продолжали уже получасовую консультацию полярные стороны моей души. — Старайся не выделяться из толпы. Ничего не трогай и никуда не лезь. Знание языка даруется автоматически. С пониманием местных законов, обычаев и традиций кухни — несколько сложнее, но ты ведь изучал историю в школе? Вот и ориентируйся по эпохе. В случае чего мы, конечно, рядом. Только не жди от нас чисто физической помощи — мы советчики. Темный и светлый, но все же советчики...

— Ребята, один вопрос: почему она вообще пропала? Это из-за того, что я сжег тот злосчастный клочок волчьей шерсти?

— Скорее всего, да, — подумав, ответил ангел. — Ты же знаешь подобные параллели в русских сказках. Главный герой сжигает лягушачью кожу, змеиную шкурку или утиные перья, а результат всегда один — возлюбленная исчезает с упреками...

— Не забыв уточнить, где конкретно ее следует искать! — ехидно вставил Фармазон. — Ох уж эти женщины... Разыгрывают целые спектакли, а мы, лопухи, верим...

— Видимо, все дело в том, — строго глядя на перебившего его черта, продолжил Анцифер, — что, уничто-

жая в этом мире какую-то часть оборотня, принадлежавшего, пусть даже временно, иному миру, мы нарушаем саму структуру пространственно-временных отношений. Огонь вообще очень мощная силовая единица в борьбе с любым видом магии. Недаром святая инквизиция во все века предпочитала костер топору и веревке. Вода лишь смывает с человека последствия воздействия тех или иных сил, огонь же уничтожает их полностью.

— Предлагаю эксперимент! — вновь влез в разговор неугомонный Фармазон. — Зажигаем газ, а в качестве подопытного кролика используем нашего общего друга...

С этими словами он неожиданно ловко вырвал перышко из белоснежного крыла ангела и сунул его в синеватый пламень. Анцифер даже вскрикнуть не успел — миг, и ангела не стало!

— Ну что, пошли?

— Куда? — опешил я. — А как же...

— Ерунда! — успокоил черт. — Он сейчас в своем мире, в раю, у престола Господа. Не волнуйся, если что, нагонит в дороге. Да не тяни же, Серега! Ты намерен спасти свою жену или нет?!

— Да. Идем, — решил я. Нечистый довольно улыбнулся, взял меня за руку и повел в прихожую к двери.

— Так-с... значит, если хлопнуть — замок сам защелкивается. Ключи не забыл? Тогда вперед.

Он толкнул меня в дверной проем, сзади раздался характерный звук сработавшей «собачки», а перед нами... Господи боже, где мы? Нас перенесло в глубокую ночь, на небе горели незнакомые созвездия, и серп луны отсвечивал оранжевым. Мы находились в каком-то поле, впереди, прямо нам навстречу, двигалась непонятная процессия. Мрачная колонна людей с горящими факелами что-то несла, распевая тягучую песню. Они были одеты в длинные черные балахоны с ка-

пюшонами и производили несколько траурное впечатление.

— Похоже на Испанию Средних веков, — хладнокровно пояснил мой спутник. — Крестный ход, что ли? Ты бы поинтересовался тут насчет своей Наташи. Если это и вправду монахи ордена иезуитов, то они должны знать обо всех оборотнях, рыщущих окрест.

Послушавшись его совета (ей-богу, все повествование могло закончиться на этой фразе), я смело шагнул вперед:

— Добрый вечер, господа монахи!

Колонна остановилась как вкопанная. Впереди идущие сбились с шага: по-видимому, появление незнакомого человека у них на пути было большой редкостью. Через минуту отделились двое и настороженно шагнули ко мне:

— Что тебе нужно, колдун?

— А... извините за беспокойство, — не сразу нашелся я: они просто сбили меня с толку таким обращением. — Дело в том, что я впервые в ваших краях...

— Говори, что тебе нужно, проклятый колдун! — грозно возвысил голос один, а другой махнул рукой остальным монахам. Прежде чем я собрался с ответом, меня взяли в кольцо горящих факелов.

— Господа? Товарищи? Граждане? Братья? О! Братья! Я вовсе не колдун, я поэт, к тому же из другого мира. У меня пропала...

Договорить мне не дали. Люди в капюшонах резво бросились вперед и без боя взяли меня в плен. Почему без боя? Ну, во-первых, я не сопротивлялся, во-вторых, их все равно больше, а в-третьих, попытавшись воззвать за помощью к Фармазону, я обнаружил полное отсутствие такового! Какой смысл драться в одиночку? Мне стянули руки за спиной, завязали полоской ткани рот и бросили в мрачную черную телегу типа катафалка, запряженную двумя дряхлыми лошадьми. Процессия поволновалась еще немного и вновь

продолжила свой путь. Я чувствовал себя... неплохо. Знаете, мне казалось, что могло бы быть и хуже. А так... они идут — я еду, они дышат пылью, поднимаемой сотней ног, — я же свежим ночным воздухом, они наверняка промаршируют всю ночь, а я могу позволить себе вздремнуть. Покачивания телеги так убаюкивали... Почему бы и нет? В жизни пленника есть свои приятные моменты, и я не преминул ими воспользоваться. Сны были сумбурными... То Наташа в красном платье с открытыми плечами скакала верхом на поджаром доге во главе стаи волков, то черт Фармазон долго объяснял мне разницу между теорией и практикой иудаистской религии времен императора Нерона, то я сам с кем-то играл в карты, а потом стрелялся на дуэли из-за женщины, которую в глаза не видел, к тому же меня, кажется, там и убили. Всего не упомнишь, обрывки какие-то... Проснулся уже поздним утром, сказывалось нервное перенапряжение, обычно я встаю не позже восьми. Причем, проснувшись, открыл глаза уже не в телеге, а в каменном сыром подzemелье, на охалке соломы, без всяких веревок, вполне выпавшийся. В принципе особенных волнений не было. Все-таки я много читал и, как оказалось, вполне логично решил, что меня в любом случае сначала допросят. Так и произошло. Вскоре раздался скрежет отодвигаемых засовов, и в камеру вошел благообразный старичок в белой рясе с откинутым капюшоном в сопровождении двух дюжих стражников.

— Встаньте, сын мой.

Я подчинился, почему бы и нет. Старец недолго, но внимательно вглядывался в мои глаза, потом его лицо смягчилось, он покачал головой и вынес вердикт:

— Этот человек не колдун.

— Конечно нет. — Я попытался завязать беседу. — Вы, по-видимому, священник? А я писатель, в смысле — поэт... или как там по-вашему... Бард? Мене-стрель? Так вот...

— Вы — язычник? — переспросил старик.

— Нет, как можно. Я — православной веры. В смысле — христианин. Просто у меня сейчас некоторые проблемы... Видите ли, я женат на ведь...

— Накормите его, — даже не дослушав моих слов, приказал старик. — А затем приведите в зал суда.

Все трое развернулись на выход. Вскоре после того, как они ушли, в камеру заглянула невысокая женщина преклонных лет. Она положила передо мной черный хлеб и поставила кружку с теплой водой. Я поблагодарил. Она покачала головой, пробормотала что-то вроде: «Бедняжка, да за что ж такого молодого...» — и ушла.

— Все это фигня! — раздался ворчливый голос сзади. — Ничего они тебе не сделают... У них доказательств нет! Че там принесли? Хлеб и вода? Ба, какое ужасающее скупердяйство! Узник твоего ранга не должен так питаться. Серега, не унижайся, дай сюда!

— Э-э-э, минуточку! — Я успел спрятать горбушку за спину, и крючковатые пальцы Фармазона схватили пустоту. Нечистый дух поморщился, философски вздохнул и критическим взглядом обвел стены моей темницы:

— Да... не «Гранд-отель», что-то сыровато у тебя здесь, братец...

— Это точно, но мне кажется, ты хотел поговорить о другом.

— О чем? — мило удивился он, а у меня откуда-то появилось желание молча ударить кулаком промеж этих наивно-невинных глаз. С трудом сдержав свой недостойный порыв, я напомнил:

— Ты хотел рассказать о том, почему бросил меня одного на дороге. Я по твоему совету попытался выяснить, что почем, так меня окружают, вяжут, везут неизвестно куда, бросают в тюрьму, а тебя нет как нет! Кто вообще втравил меня в эту авантюру?!

— Стыдно задавать провокационные вопросы голодающему, — попытался перевести тему Фармазон.

— Ту не манж па сис жур? — подковырнул я. — Подайте бывшему члену Государственной думы!..

— Ты че прицепился? Че я тебе сделал?

— Ты меня бросил!

— Ну ни фига себе... Там прется толпа католических монахов с гробом и святыми мощами, у каждого на шее крест, в кармане Библия, во фляжке святая вода — и я же еще должен был им показываться?! Что ж я, сам себе враг? Да любому черту святая вода хуже, чем человеку серная кислота натоцак! Я обещался тебя сюда провести?.. Провел. А что я голову положу за твое семейное благополучие — мы не договаривались!

— Ну ты и жук... — с невольным восхищением протянул я. — Оставил меня одного с агрессивными священнослужителями, сам в кусты и носу не кажет, а как только дело к завтраку, сразу набежал на готовенькое?

— Жмот! — обиделся Фармазон.

— Ничего не знаю, это моя тюремная пайка. Вот тебя посадят, тогда и получишь.

— Стыдно... стыдно! А еще культурный человек называется... Поэт! Слово-то какое, если вдуматься... высокое слово. Член Союза писателей! Тьфу, да за что ж тебя так обозвали... Ладно, Сергей Александрович, чего вам, собственно, от меня надо?

— Ничего, — бросил я, демонстративно откусывая кусок горбушки.

— Как ничего? — опешил он.

— А так. Я прозрел. У меня на многое открылись глаза. Я же христианин, помнишь? Мне от нечистого, с рожками и хвостом, ничего не надо.

— Э-э-э... ты, того-этого, не дури! Все понимаю, жена бросила, в дороге устал, кормежка свинская, чего не наговоришь в таком состоянии... Не волнуйся, я с тобой. Не горюй, Сергунь, щас быстренько чего-нибудь сооб-

разим. Мы ж вдвоем сила! Ты только меня держись, не пропадешь.

— Ах, Фармазон, Фармазон, опять туманишь голову нашему дорогому хозяину. И за что нам тебя дали, чем мы такое наказание заслужили? Неисповедимы пути Господни...

* * *

Позади меня, грустно улыбаясь, стоял белый ангел. Сначала я обрадовался, а потом мне стало стыдно. Анцифер понимающе вздохнул:

— Все мы когда-нибудь совершаем ошибки. Вы не исключение... Не берите в голову, Сергей Александрович, я никого не упрекаю. Мне отлично известно, кто толкнул вас на столь опрометчивый шаг.

— Анцифер... мне, право, очень неловко...

— Не извиняйтесь! Не стоит, я давно все забыл...
Одного не пойму, как вы поверили этому проходимцу?

— Я прошу прощения.

— Да не за что!.. Ради бога, какие разговоры, мы же свои люди... Фармазон на ваших глазах выдерживает у меня пук перьев...

— Какой пук?! Че ты врешь-то? — взвился молчавший доселе черный братец.

— Анцифер, извините меня, пожалуйста.

— Нет, нет, что вы... Какие могут быть извинения?! И слышать ничего не хочу. Просто я считал вас интеллигентным человеком, а вы меня равнодушно бросаете...

— Ну извините же...

— Сереженька, да ради всего святого, о чем вы говорите? Я ни капельки на вас не сержусь. Вы молоды, наивны, возможно, даже не слышали о разнице между Добром и Злом. Это, должен признать, весьма зыбкая

грань. Поэтому ваш поступок поверг меня буквально в шок и...

— Анцифер, я в последний раз прошу вас принять мои извинения! — уже едва сдерживая раздражение, зарычал я. — В противном случае мне придется применить физическую силу.

— Что? — поразился ангел.

— В глаз получишь, вот что! — доходчиво объяснил черт. — Циля, ты своим занудством кого угодно в гроб вгонишь. Хозяин прав, он уже четверть часа перед тобой раскланивается, достаточно! Строишь из себя прокурора на Страшном суде...

Анцифер опомнился и покраснел. На какое-то время камера наполнилась напряженной тишиной. Я медленно разломил хлеб на три равных куска. Уж не знаю, как там кормят бесплотных духов, но эти двое управились со своими порциями меньше чем за минуту. Воду также поделили на троих.

— А теперь послушайте меня. — Анцифер стряхнул крошки с белоснежного одеяния и выпрямился, разведя руки в стороны, словно католический проповедник, читающий мессу. — Мы находимся в одном из множественных отражений Земли. Приблизительно конец шестнадцатого — начало семнадцатого века. Глухая область на севере Испании. Географические понятия, названия и даты будут весьма условны, как, впрочем, и везде... В плане политической обстановки здесь сейчас самое мрачное время. То есть для визитов в гости не подходит совершенно. Вся страна охвачена религиозным экстазом, происходит серьезная реформа Церкви, принявшая ввиду ряда причин чрезвычайно уродливые формы. Речь идет даже не о борьбе за чистоту веры, а о планомерном уничтожении всех инакомыслящих. Мне кажется, что Сергею не стоит здесь задерживаться. А ты молчи, нечистый дух!

— Вот те на?! Да я еще и рта раскрыть не успел, — праведно возмутился Фармазон.

— Вот и закрой, пока не раскрыл! По глазам твоим бесстыжим вижу, что ты хочешь вновь втравить парня в очередную авантюру.

— Ребята, мне не до споров, — вмешался я. — Тут перед вами какой-то благообразный дедушка заходил, сказал, что нужно показать меня общественности. Возможно, мне удастся выяснить — не видел ли кто Наташу?

— Это слишком опасно, Сережа, ты ведь не можешь открыто заявить, что твоя жена — ведьма... Здесь сжигают людей и за меньшие проступки. Поверь, мне очень жаль, но, возможно, будет лучше вернуться домой...

— Нет.

— Ну почему ты не хочешь послушаться доброго совета?

— Потому что я должен ее найти.

— Я попытаюсь объяснить еще раз... — с ангельским терпением продолжил Анцифер. — Боюсь, что местные инквизиторы не проявят должной лояльности к человеку, интересующемуся оборотнями. Ученых, занимающихся этим ради науки, здесь нет. На охотника за демонами ты не похож. При здравом обсуждении им остается одно — признать тебя колдуном, использующим силы оборотня в своих злодейских целях.

— Хорошо, я здесь ничего не скажу.

— Там — скажешь, — недобро процедил черт. — У них такие мастера, за пять минут вспомнишь все, что было и чего не было.

— Так зачем же ты меня сюда затащил? — впервые удивился я.

— Ну... во-первых, какая разница, с какого мира начинать? — пожал плечами он. — А во-вторых, я же все-таки нечистый дух. Толкать человека на край пропасти — моя прямая обязанность. Нечего слушать было...

— В этом он весь, — подтвердил Анцифер. — Я думаю, нам пора уходить, здесь слишком опасно.

— Я не могу... Надо хотя бы спросить, быть может, эти люди все-таки что-нибудь слышали о моей жене?

— Сережа, вы преступно невнимательны, но будь по-вашему... Представьте, что я радикально настроенный служитель Церкви, а теперь объясните мне, чего вы хотите, не прибегая к словам «жена-ведьма», «оборотень», «двадцатый век», «прогрессивное человечество» и «лояльность по отношению к паранормальным явлениям».

Я открыл было рот и... задумался, задачка действительно оказалась непростой. Близнецы обменялись многозначительными взглядами. Вскоре заскрежетали засовы, и дверь распахнулась. В камере появился тот же самый душевный старичок в сопровождении монахов в черном и стражников с короткими копиями.

— Пойдемте, сын мой, вас уже ждут.

— Эти двое со мной.

— Кого ты имеешь в виду? — удивился старик, пытаясь заглянуть мне за спину.

— Ангела и черта. В смысле — светлую и темную сущность моего бытия... — Я было охотно пустился в объяснение, пытаясь познакомить вошедших с присутствующими, но Анцифер протестующе надул губы, а Фармазон скорчил такую рожу...

— Вы что, не пойдете?

— Пойдем, Серега, как не пойти... Только ты не напрыгайся — они все равно нас видеть не могут. Мы ж твои духи, а не общего пользования. Так что не тычь в нас пальцем — примут за опасного сумасшедшего.

Я оглянулся, судя по подозрительным взглядам стражей — это очень даже возможно...

— Э... господа, вы меня не так поняли. Я не псих. Я — поэт, философ, член Союза писателей, лицо, так сказать, имеющее определенную склонность к гиперболе, аллегории и ассоциативному мышлению.

Все, кто стоял в дверях, невольно шарахнулись назад, но храбрый старичок поспешил навести порядок:

— С нами сила Господня! Он ничего не сможет нам сделать, мы веруем! Да и не станет... У этого человека чистая душа.

— Анцифер, я что-нибудь не так сказал?

— Мм... Серезенька, вы, как бы это помягче... Они просто еще не осознают значения ваших слов, выражайтесь как-нибудь более демократично.

— Короче, будь проще, и люди к тебе потянутся, — веско добавил Фармазон.

Я кивнул и обратился к старцу, ибо он явно казался главным действующим лицом:

— Никакого волшебства, никакой магии, я весь в вашем распоряжении. Не надо меня больше связывать, я сам пойду. «Веди меня скорей, безмолвный проводник, туда, где тень реки пересекает сушу. Туда, где, медный грош засунув под язык, я отпущу с земли свою больную душу...»

Это были последние строки одного из моих стихотворений, опубликованных в сборнике «Рождество». Я произнес их без всякого показного кокетства, просто ненавязчиво подтверждая род своей профессии. Тот старик, что все время за меня заступался, вдруг попытался что-то сказать и... не смог. Он судорожно открывал рот, смотрел на всех выпученными глазами, но не мог произнести ни звука. Кончилось тем, что бедняга выбежал вон, а следом за ним перепуганной толпой бросились и остальные. Лязгнули стальные засовы.

— Серезенька, вы это нарочно? — тихо спросил Анцифер, глядя на меня самым осуждающим взглядом.

* * *

— Блин горелый! Ну кто же знал, что он колдун?!

— Я не колдун! Я вообще ничего не понимаю. У этого пенсионера какие-то проблемы с голосовыми связ-

ками, нужно быть врачом-отоларингологом, да еще серьезным профессионалом в этой области, чтобы понять, почему у него пропал голос.

— Да потому, милый друг, что ты прочел заклинание!

— Я прочел стихотворение! И то не полностью... У заклинаний, сколько мне известно, совсем другая вербальная структура. Они должны вызывать к определенным природным силам, обычно низшего порядка. Для этой цели используется узкоспециальная лексика и фразеология. К примеру, желательное употребление истинного имени демона, правильная формулировка его вызова, надежное ограждение себя, четко обозначенное желание заказчика...

— Все! Дальше можешь не говорить... костер тебе обеспечен! Циля, ты только подумай, какого крупного авторитета в области черной магии мы с тобой выпустили в свет?! Он же в этом деле подкован круче меня!

— Глупости... — раздраженно отмахнулся я. — Просто много читал...

Фармазон всплеснул руками, открыл было рот, но передумал и молча плюхнулся рядом с Анцифером, уже добрых пять минут сидящим на полу с самым сокрушенным видом. Белый ангел после своей спонтанной реплики не произнес больше ни слова, он смотрел сквозь меня совершенно пустыми глазами и меланхолично накручивал на мизинец прядку роскошных волос. Я начал решительно ходить по камере взад-вперед. Десять на двенадцать, площадь довольно большая, жить можно... Тьфу, о чем это я?! На самом деле голова забита недавним происшествием. Я не очень верю в то, что мое стихотворение могло сработать как колдовское заклинание. Во-первых, этого просто не может быть, во-вторых, я нечто подобное уже читал, и даже неоднократно. Помнится, у Спрег де Кампфа герой изображает из себя колдуна простенькими стишками, формируя разные магические опыты. Или еще у Кристофера Ста-

шефа некий студент-филолог пользовался безбожным плагиатом в мире, где любое рифмованное слово уже было колдовством. Так что все это дешевое повторение... Я — не колдун и, следовательно, ни в чем не виноват. Дайте мне найти свою жену, только и всего. Почему-то в глубине души у меня складывалось нехорошее впечатление о той роли, которую мне навязали в данном спектакле. Кто-то стоит над нами и дергает ниточки, передвигает нас на шахматной доске, бросает кости так, чтобы мы могли шагать лишь в строгом соответствии с выпавшими. По большому счету можно было бы счесть себя некой фигуркой на поле битвы Добра и Зла, но это, скорее, от тщеславия. Богу и дьяволу наверняка больше нечем заняться, если уж они оба решили поразвлечься с такой скромной персоной, как я, посредством похищения моей жены. Все это бред и пропаганда! Но чье-то незримое участие все-таки чувствуется...

— Я пошел.

— ? — Оба подняли на меня усталые взоры. Ей-богу, иногда кажется, что близнецы воспринимают меня как капризного ребенка.

— Я пойду и сам поговорю с этими людьми. Они должны меня понять. Еще из школьного курса истории я помню, что в Средние века монахи были одним из самых просвещенных слоев населения. В монастырях часто скрывались ученые, алхимики, астрологи и врачи. Они не могут не внять голосу разума. Не захотят разговаривать о волках-оборотнях, не пожелают помочь в поисках жены — не надо. Обойдусь своими силами, пусть только выпустят.

— А... у... м... п... — хором попытались что-то проболтать мои оппоненты, но поздно — я постучал в дверь. Ее открыли на удивление быстро, но лишь затем, чтобы сунуть мне под нос наконечники копий.

— Чего ты хочешь, колдун?

— Переговорить с вашим начальством, — послушно ответил я.

— О чем?

— О философском камне, превращающем любой металл в золото.

Стражники мгновенно сориентировались, кивнули и убежали с докладом. Пока все шло как по маслу. Поиски «философского камня» занимали умы не одного поколения средневековых магов, и уж если на этом деле кормилось столько шарлатанов, то современному человеку просто грех не сыграть на материальной заинтересованности руководящих лиц.

— Авантюрист! Спекулянт! Фальсификатор! — вдруг выкрикнул Фармазон, вскакивая с места и бросаясь на меня с кулаками. Анцифер мгновенно перехватил его за пояс, не слишком убедительно доказывая чисто медицинскими терминами мою полную психическую несостоятельность. Дверь опять закрипела на петлях, и в проеме показался тучный мужчина в рясе с капюшоном, стражники топтались за его спиной. В отличие от предыдущих монахов, одежда этого толстяка была сшита из гораздо более дорогой ткани, а в руках он неуверенно сжимал массивное золотое распятие, богато изукрашенное драгоценностями. Колючие глаза из-под нависших бровей быстро прощупали меня, демонстрируя хватку опытного торговца «живым товаром».

— Эй, колдун, поклянись своей пропащей душой, что ты не причинишь мне вреда!

— Клянусь, клянусь, — охотно согласился я.

— Тогда иди за мной, Совет пожелал выслушать твои предложения. Но если ты лжешь — наказание будет столь страшным, что сама смерть покажется милосердием.

— Господи, ну не надо меня шантажировать! Я тихий, скромный турист, в ваших краях проездом, зла никому причинять не собираюсь. Давайте договоримся...

Вам нужно золото — буду рад поэкспериментировать. Мне же понадобится транспорт и свобода перемещения для организации поисков пропавшей супруги. Если вы захотите мне помочь — мы придем к взаимовыгодному компромиссу.

— Как решит Совет. Золото, отданное в руки Церкви, помогает нам простить многие грехи слабого человека. Не обмани нас... — И толстый монах кивком головы приказал следовать за ним.

Мы шли по темноватому коридору, стражники дышали мне в спину, о чем-то оживленно переговариваясь. Копье самого молодого дважды осторожно коснулось моего плеча, даже не из желания причинить боль, а скорее от детского любопытства — вдруг я все-таки настоящий колдун и совершу какое-нибудь волшебство? Стражники постарше снисходительно одергивали парня. Мы вышли из подземелья на широкий двор, светило теплое солнышко, после сумерек тюрьмы небо казалось невероятно синим, а воздух свежим. Вокруг слонялись толпы монахов с книгами и четками в руках. При виде нашей процессии они разом уставились на меня, крестясь и перешептываясь:

— Колдун! Колдуна ведут...

Я только таинственно улыбался в ответ.

— Молитесь, беспрестанно молитесь, дети мои! — не останавливаясь, выкрикнул толстый монах. — Только тогда силы Зла не будут над вами властны и любое исчадие ада покорно склонится перед вашей рукой, творящей знамение креста.

«Исчадие ада» — это, судя по всему, про меня. Худая студенческая молодежь построжела, на глазах сжимая кулаки и провожая меня взглядами, далекими от христианского всепрощения. Впрочем... кем я им представлялся? Колдун, чародей, слуга дьявола, прислужник Сатаны, враг истинного Бога... Соответственно и отношение...

Пройдя весь двор по диагонали, мы поднялись по

каменным ступеням в какую-то высокую прямоугольную башню. Я жадно осматривался по сторонам, но ничего утешительного не заметил. Скорее всего, это был обычный, уединенный от больших городов монастырь, я успел рассмотреть часть крепостной стены и ржавую стель на горизонте. Потом меня провели в большое внутреннее помещение. Более всего оно походило на университетскую аудиторию. Небольшая площадка у стены, с чем-то вроде трибуны посередине, а от нее веером полукруглые ряды деревянных скамеек. Центр занимала большая группа взрослых монахов в обычных темно-коричневых или черных рясах. На галерке небольшой отряд военных, человек двадцать — двадцать пять, в блестящих кирасах, демонстративно поглаживающие ножны мечей. Двое, в богатых доспехах и шлемах с перьями на макушке, сидели на самом первом ряду вместе с четверкой пожилых монахов в белых одеждах. Кстати, там же восседал и внезапно «онемевший» старец. Я был прав, он действительно занимал некое главенствующее место в церковной иерархии. Очень жаль, что у него пропал голос, это был, наверное, единственный человек, не считающий меня колдуном.

Толстый проводник быстренько сбегал к высоким лицам первого ряда, что-то доложил, получил соответствующие указания и жестом предложил мне занять место «профессора на кафедре». Я поднялся на площадку, встал на трибуну и дружелюбно улыбнулся присутствующим.

— Серега, не дрейфь! Мы с тобой... Я — слева, Циля, как всегда, по правому флангу.

— Анцифер! — раздраженно раздалось сзади.

— Ша! Не будем устраивать драматических сцен, все-таки перед нами Высокий Совет. Хозяин уже поприветствовал благороднейшую публику, так что, я чувю, представление начинается...